

ПИСЬМА ИВАНА ФРАНКА.

I.

БАЛЯДЫ И РОСКАЗЫ.

(Посвящено бл. дъвици Надеждѣ ТЕКА

Цѣна примѣрника 6 кр. а. в.

ЛЬВѢВЪ, 1876.
Зъ друкарнѣ Товариства имени Шевченка,
подъ зарядомъ Фр. Сарпіцкого.

LIBRARY
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

Original from
UNIVERSITY OF ILLINOIS AT
URBANA-CHAMPAIGN

891.79

F85

Obal

П р о л о гъ.

из Гейного.

Ой бувъ-то разъ лыцарь понурый, нѣмый
Зъ лицомъ блѣдымъ и запалымъ.
Ходивъ и хитався й дрожавъ, мовъ старый,
Мовъ сны го глубокій уняли.
Нездарный онъ бувъ, непроворный такій,
Куды лишь проплентавсь, дѣвки и квѣтки
На голось за нимъ реготались.

Людей онъ боявся. Звычайно сидѣвъ
Самъ въ темному кутику дома.
Тамъ тужно когось мовъ обняти хотѣвъ,
Но николи не рѣкъ и слова.
Но скоро лишь побнѣочь наляже на свѣтъ,
Щось дивно-чаровно звенитъ и бренитъ,
И дверь отвираесь тисова.

Тихесенько входитъ любима ёго
У сукняхъ изъ морской пѣны.
Якъ рожа лице ей, якъ мармуръ чоло,
А строй одѣ брилянтѣвъ ся мѣнить.
А косы, мовъ золото зъ раменъ плывутъ,
А очка у сердце жаръ роскоши лютъ —
Ихъ довгій устїскъ зрятъ лишь стѣны.

Онъ крѣпко - любовно єѣ обнима',
Холодный — пожаромъ палае!
Блѣдый — весь краснѣе, задумы нема,
Несмѣлый — свободнымъ дѣлаeсъ.

Она зъ нимъ пестится, и — хитрица — вразъ
Пôходитъ тихенько и выглядитъ часъ — —
Завоёмъ му взбръ закрывае.

И вразъ зачарованнымъ бачится ôнъ
Въ подводну кристальну палату,
Здивованый взбръ ослѣпляе му въ нѣй
Несказаный розблескъ богатый.
Въ обнятіяхъ Русалки, мовь пьяный лежить,
Въ очохъ ихъ любовь, страсть и роскѣшь горитъ,
Хоръ дѣвъ переливно явъ грати.

И музыка й спѣвъ переливно несесь,
Въ танъ стопы летятъ, мовь на крылахъ...
Но ôнъ забувае себе и свѣтъ весь,
У нёго въ обнятіяхъ — мила...
Въ томъ свѣтла погасли, хоръ чудный утихъ,
И лыцарь оглянувсь — по стѣнахъ пустыхъ
Понурой комбрки поета.

Данина.

Козарска дружина розбоемъ жила,
Она надъ Днѣперъ за розбоемъ прийшла.
На горахъ Днѣпровскихъ градъ Кіевъ стоить,
А въ городѣ томъ трое братей княжитъ.
Послали Козаре сказати братамъ,
Щобъ дань заплатили степнымъ хижакамъ.
„Война, сли данины сейчасъ не дасте,
А де мы проїдемъ, трава не зросте!“
Кій, Хоривъ и Щекъ тамъ княжили тогды.
Они таке слово Козарамъ рекли:
„Житъе наше мирне, война не для нась,

И мы вамъ готовъ дань дати сей часъ!“
Козаре пôдъ градомъ таборомъ стоять,
И острятъ оружье и смотрятъ на градъ.
А зъ града посыпцъ передомъ идутъ,
За ними на возѣ данину везутъ.
Данину идъ хана шатру завезли, —
Начальники тамъ ся на раду збйшли.
„Якужъ вы данину изъ града взяли?“
— Князъ по мечу намъ ôдъ дыма*) дали. —
Начальники смотрятъ, дивуеся ханъ.
„Не добру, о хане, прислали намъ дань!“
„Въ одинъ лишь бôкъ наше острене ружье,
„А зброя Полянôвъ у два боки тне.
„А слизъ они зъ нами боротись зачнутъ,
„Закимъ мы ихъ сто, вни нась двѣста убютъ!
„И може прииде ще, о хане нашъ, часъ,
„Що дань побирати они ймуть ôдъ нась!“

* * *

На Кіевскихъ горахъ розсѣлася тьма,
Но войску Полянôвъ спочивку нема.
Тихесенько эъ Кіева рядъ за рядомъ
Спѣшишъ, де Козаре вколоisanй сномъ.
И рыкнули роги, крикъ бою гуде,
Ой, то то загиблъ Козарамъ иде!
Ой страшный бувъ бренъкотъ мечовъ стальныхъ,
И годъ спасися Козаромъ ôдъ нихъ.
Ой голосно выли вовки изъ лѣсовоъ:
Вѣдай похоронный Козарамъ се спѣвъ!...
А рано Хорсъ ясный пôднявся зъ за хмаръ:
Все поле покрылося трупомъ Козарь.
Лишь ханъ ихъ плѣненый въ кайданахъ стоитъ,

*) Дымъ, у Нестора часто въ значеню хата, пор. наше „подымне.“

Здивованымъ окомъ на трупôвъ глядитъ.
И въ дôль нахиляесь ёго голова,
А уста все шепчутъ зловѣштій слова:
„Небавомъ, о хане, настане той часъ,
Що дань побирати они имутъ одъ насъ!

А р Ф я р к а.

Она: Поцѣлуѣ твой
Мовь огонь мя палятъ!
Скажи, милый, чому
Такъ ты очи горятъ?

Онъ: Пригорнись, поцѣлюй,
Не разпытай мене!
Тажь ты знаешь, душе,
Якъ люблю я тебе!

Она: Знаю я, милый мой,
Щирбѣсть всѣхъ твоихъ слôвъ,
Но чи премъ крômъ мене
Другихъ ты не любивъ?

Онъ: Сотый разъ ты кленусь,
Що крômъ тебе въ житью
Нikогомъ не любивъ
И любить не буду!

Она: Вѣрю ти! Не кленись!
По щожь клятва въ любви?...
Но послухай!... Се кто
Тамъ сиѣва' за дверми?

Онъ: Се арфярка якась!
Мила - серце, — кажи
Съ спѣвомъ, бренькотомъ тымъ
Прочь арфярцъ ити!

Она: Нѣ, мѣй милый! Той спѣвъ
И бренькъ арфъ я люблю.
Най арфярка вѣйде,
Най спѣва' пѣсь свою.

И арфярка блѣда
У свѣтлицю вѣйшила,
И по Нѣй и по Нѣмъ
Окомъ вразъ повела.

Задрожала чогось — —
И вѣ рукахъ ей худыхъ
Стара арфа здрогла,
И струнъ бренькотъ затихъ.

Онъ: Вели, мила, сейчасъ
Прочь арфярцъ ити!
Она пѣсней вѣдай
Не умѣє, нѣ гры!

Она: „Нѣ, най грае, якъ зна',
Най спѣвае, що втне!...
Но чомъ, милый, такъ вразъ
Твоє зблѣдло лице?

Онъ: Ничъ то мила!... Тыхъ арфъ
И такихъ арфярокъ
Я не можу знести!... (до ярфярки:)
Прочь ты!... Ту не шинокъ!

Она: (*до арфярки:*) Нѣ не слухай єго!
Заспѣвай що небудь — —
Такъ, про щастье, любовь,
Най вовиуеся грудь!

Но арфярка блѣда
Обернулась — пошла,
И стиснувши въ руцѣ
Арфу, стиха рекла:

„Нынѣ рѣкъ, нынѣ рѣкъ
Онъ мене такъ стискавъ!
Завтра рѣкъ, онъ мене
Одѣхнувъ и прогнавъ!....“

Чувъ и Онъ и Она
Тотй слезнї слова.
Онъ є къ серцю притисъ, —
Одвернулась Она.

Аскольдъ и Диръ пôдъ Царьгородомъ.

Чого Царьгородцѣ тревожно бѣжатъ?
Наѣздники - Руссы напали Царьградъ

Народъ весь у храмъ ся Софійскій товпитъ,
Слѣзами, мольбою спасеня просить.

Наѣздникъ у мѣсто вже кидає грань...
Варяговъ Змій - човны*) окрили пристань.

* Звѣсно, що кораблѣ Норманьскї мали подобу зміївъ и звалися прото Drachen-Schiffe.

Вже Грековъ надя у крови тоне,
Наездникъ эъ пристани на муры ся пне.

А втôмъ, ци се войско, ци що за походъ
Иде по за мѣсто до Боспора водъ?

Старикъ - патріархъ се, эъ нимъ клиръ и народъ
Въ одежахъ покутныхъ подходятъ до водъ.

Всѣ клякли. Ихъ слёзы, молитвы и спѣвъ
Дивуютъ наездниковъ эъ дальнихъ краевъ.

А втôмъ патріархъ въ гору взносить свой взоръ,
И чудный завой погружає въ Боспоръ.

Завой той носила за своего житъя
Заступница вѣрныхъ, Пречиста, Свята.

Смѣются Варяги дивлячись на те.
„Завой не поможе, сли смѣлости не!“*)

Наразъ, що за трусь, що за крикъ повстає?...
Боспоръ ся сказивъ, берѣгъ филями бье.

И стогне и прыще й клекоче вода,
Лупаєся берѣгъ, здрогає земля.

Въ виражъ покрышились Варяговъ човны,
Наездниковъ силу пожерли вовны.

Лишень ихъ начальники, Аскольдъ и Диръ
Вертали зô встыдомъ до кievскихъ гôръ.

* * *

*. Не въ подгорскомъ нарѣчію часто замѣсть *нѣма*.

Въ Боспорѣ не одна ся лютила брань,
А кѣстыми Варяговѣ бѣлѣлась пристањь.

Минали столѣтія и Царьградъ упавъ,
А костей Варяговѣ Боспоръ не забравъ.

Мовь сторожъ, що нагло на чатахъ умеръ,
Они ся бѣлѣють въ пристањи й теперь.

Шотляндска пѣсня.

изъ Пушкина.

Противъ Крука Крукъ летитъ
Крукъ до Крука такъ кричитъ:
„Круче, якъ бы намъ прѣзнати,
Де обѣдъ будемо мати?“

Крукъ те Крукови въ одвѣтъ:
„Знаю я, де намъ обѣдъ.
Въ чистомъ поли живте жито,
Тамъ богатыря убито.“

„Хто и защо го убивъ,
То его лишь соколь зреѣвъ,
Конь вороный, та хиба ще
Его любочка гуляща.“

„Соколь въ пущѣ улетѣвъ,
На коника ворогъ сѣвъ,
Любка милого жде своего
Не убитого — живого.“

Рыбакъ середъ моря.

Розобралось Чорне море,
Розобралося мовь звѣръ.
Темный воздухъ перунъ поре,
Зъ ревомъ крутится бугбръ*).

Мовь кроваве тигра око,
Де гроза и злость и страхъ,
Граютъ філь грознї въ сонця
Заходячого лучахъ.

Середъ філь и пѣны й пуму
Чайка утлая неесь — —
Крутить невъ и мече море,
Туй - туй чайка розбѣясь...

А на чайцѣ одинокій
Безъ весла рыбакъ сидить,
И спокойно, рѣвнодушно
На грозу и шумъ глядить.

Ци му серця не тревожитъ
Образъ смерти середъ фаль?
Ци житье му надоѣло,
Що життя ёму не жаль?

Я не знаю. Онъ на вовни
Погляда', мовь на рѣdnю,
А часомъ всмѣхнесь. „Мой човникъ
Выдержитъ ще не одну.“

*) Бугбръ, то вихоръ, що туманами крутитъ.

Середъ шуму, треску, реву,
Тужну думку ѿнъ завѣвъ,
Хоть глушитъ, мовь голосъ мушки,
Страшна буря ёго спѣвъ.

Онъ спѣває про вѣкъ давный,
Про щаслившій давный часъ,
Про лыцарскихъ предкѣвъ боѣ,
Про блескъ славы, що погасъ.

Довго, протяжно выводить
На хисткѣмъ, slabomъ човиѣ,
Хоть въ найблизшой може хвили
Змовкне спѣвъ — на моря днѣ.

Князь Олегъ.

Князь Олегъ по бояхъ тяжкихъ спочивъ
Въ задумѣ по пышной комнатѣ ходивъ,
И нетерпѣливо на дверь глядавъ,
Князь Олегъ, якъ бачу, когось дожидавъ.
Втворилися дверї, въ комнату йде
Старецъ и князеви поклонъ кладе.
Князь быстро поглянувъ ёму въ лице:
„Витай ми вѣщуне“ — до него рече.
„Скажи ми, вѣщуне, а правду всю,
„Ци скоро й якою я смертью умру ?

Вѣщунъ ся покрно склонивъ князю:
„Покинь одслоняти будучиость свою!
„Не найде потѣхи, кто ей покровъ
„Посмѣє роздерти зухваловъ руковъ!“

Князю, мовь бы жару у кровь наливъ,
И въ дѣда онъ грозный свой поглядъ встремивъ.
„Ци думаешь, дѣду, что я дитя,
„Що слово марное мене вже й зляка’?
„Сли знаешь будучнѣсть, то всю ѿдкрый,
„Сли нѣ, я скажу: Ты дурисвѣтъ старый!“
„Мой княже дурити не вмѣю я,
„Но сумна, важкая судьба твоя.
„Твой конь которого такъ любишь ты,
„Той має погибѣль тебѣ принести!“

„Сли такъ, — на Перуна кленуся я,
Що бѣльше не сяду на того коня!“

* * *

Летѣли лѣта, мовь Днѣпра вода,
Князь Олегъ эъ войны зновь домовь верта’;
Въ великий бо онъ ся походъ трудивъ,
Козаровъ, степныхъ хижаковъ побѣдивъ.
Народъ веселится, — наставъ ось миръ, —
Князь Олегъ дружину ззывае на пиръ.
Пируютъ весело три ночи, три дни,
Вконци погуляти на ловы пошли.
Днѣпра узберѣжьемъ тамъ лѣсь шумитъ, —
Пôдъ лѣсомъ тымъ, — что се онъ бѣле стримить?
— „Любимецъ твой, княже,“ конюхъ сказавъ,
„Твой конь, щось нагнати въ степы го казавъ.
„Що мы ёго гнали, но онъ не хтѣвъ
„Въ степы до свободныхъ степныхъ табуновъ.
„И все лишь маячивъ кругъ мѣскихъ брамъ,
„Ажь разъ го мертвого нашли мы онтамъ!“
„Мой щирый приятель!“ такъ князь сказавъ
На бѣліи кости эъ жалѣмъ поглядавъ.

„Я вбивъ го безвинно, я вбивъ го самъ,
„Повѣривъ дурисвѣта - дѣда словамъ!“
Князь Олегъ ся костей ноговъ дѣткнувъ,
Но въ тойже хвилинѣ бôль страшный почувъ.
У чашцѣ ся крыла страшна змѣя, —
И скрутами ногу обвила князя.
Князь Олегъ схитався, — князь Олегъ здрожавъ...
„Проклятый вѣщуне, ты правду сказавъ!“
Князь Олегъ посинѣвъ, князь Олегъ поблѣдѣ, —
Дружина до нёго, — князя вже нѣтъ.

Керманичъ.

Черемошомъ быстрымъ, шумячимъ
На долы дараба плыне.
Керманичъ на нѣй молоденъкій
Въ Черемоша воды гляде.

Керманичу серце мутится,
А око сплывае слезовъ,
Лиши керму поводить поволи
По филяхъ безвладновъ руковъ.

Мовъ утка, дараба ось поре
Спокойну, широку глубѣнь,
И въ воду понуривши личко
Глядае керманичъ - лейнъ.

А въ томъ — ци се сонъ, ци се ява, —
Крѣзъ слёzonьки зрится ёму,
Що ось надплывае надъ чудну
Подводну палату скляну.

Зъ окна еи дѣва до нѣго
Пôдноситъ жалобне лице
Та дѣва, — о Боже єдиный!
Егожь - то любима отсе!

И слухає пильно керманичъ,
А дѣва и плаче ѹ спѣва:
„До мене, м旤й милый, до мене, —
Хоть ту я, для тебемъ жива!“

Насъ жизнь розлучила ѹ злій люде,
Най смерть принесе намъ спокой!
Ходи, ту твоя я на вѣки,
Ходи, ту на вѣки ты м旤й!“

Черемошомъ быстрымъ, шумячимъ
На долы дараба плыне,
Въ нѣй зломана керма, о берѣгъ
Черемошъ дарабою бье.

Глубоко керманичъ, глубоко
Лежитъ у скляному дворѣ,
Що прысне о скалы дараба,
Єму вже то не въ головѣ!...

* * *

(Изъ А. К. Толстого).

Ой чомужъ ты мя тяжке горенько
Зъ свѣта не звело нещасливую,
Лишь роздерло ми серце на двое?

Якъ не зойдеся рано зъ вечеромъ,
Такъ не зжитись двомъ добрымъ молодцямъ.

Изза мене все вадятся они,
И оба мене лаютъ - коренятъ.

То ось братъ менѣ такъ докорює:
„Пошо ты пôшла за паничика,
Втрутилась въ рôдню, у нерôвную?
Ты ôтстушице, перевертнице,
Ôтъ своей рôднѣ ты ôтстайнице!“
„Бадъчко ты мôй, рôдный братчику,
Я въ рôдню ёму не набивалась.
Самъ ты, братчику, намовлявъ мене,
Намовлявъ мене, ôдававъ мене!

А ту мужъ менѣ дорѣкає зновь:
„Изъ якого ты роду-народу?
Що ты за посагъ принесла менѣ?
А и чимъ то ты счарувала мя,
Приговôрнице, чародъйнице,
Мене зъ моими ты розлучнице!“
„Господине мôй, милый мужу мôй,
Нîчимъ я тебе не пристрѣтила.
Але взявъ ты мя зъ волѣ вольнои.
Не великий то и посагъ за мновь:
Всёго — серденъко та покôрливе,
Голова тобъ та послушлива.“

* * *

*

Перекинувсь хмель черезъ рѣченъку
Зъ одного дубця та на другій дубъ,
И колышеся межи обома
Надъ прудковъ водовъ зеленъючи,
Туги - горенька тай не знаочи,
Оба дерева обнимаючи....

Святославъ.

Прощаеся зъ матѣрю князь Святославъ.
Ой ѿду я, мамо, та въ Переяславъ!
„Щасливый, богатый болгарскій край,
„И пышно красить го срѣблистый Дунай!“

А въ Ольги ся слёзы пустили зъ очей,
„Не кидай, м旤й сыну, родины своей!
„Не бѣдный, а рѣдный и рускій край,
„Днѣпра не заступитъ ти срѣбный Дунай!
„Въ чужинѣ е скарбы, — та й зрада е, —
„Чужого забагнешь, а стратишь свое!“

Но дармо ридае и дармо благае,
Князь буйный дружину въ походъ скликае, —
И неньку старенку у слёзахъ лишивъ,
За славовъ, за срѣбломъ въ Болгарью спѣшивъ.

* * *

Ой правду то мовила мать Святослава:
Де скарбы, тамъ зрада, а горечь, де слава!
Воюе въ Болгаріи князь Святославъ: —
Ой многожъ тамъ горя и лиха зазнавъ!
А въ томъ му доносятъ: О княже, вертай!
Орда Печенѣзка займае твой край!

Ой скорымъ походомъ на Русь повертахъ
Зъ богатовъ добычью буйный Святославъ.
А филъ Днѣпра по порогахъ шумятъ...
Въ густыхъ очеретахъ враги сидятъ.

А Свѣнальдъ, старъ лыцарь сказавъ до князя
„О княже м旤й, сила твоя за слаба,

„И сли у степу нась нападутъ враги,
„Не зможемо вздержати ихъ ваги
„Тожь ту у Корсуни пробудъмо зиму,
„Зъ весноюжь повернемъ въ краину свою.“
Но надто горяча и надто прудка
Въ князя молодого натура була.

„Мой край нападаютъ поганій враги,
„А мы бы ту ждали спокойно весни?
„Нї Грекъ не злякавъ нась, нї войско Болгаръ,
„А ту бы злякавъ нась степовий дикарь?...

Плынутъ Днѣпра воды исъ клекотомъ, шумомъ,
А воины княжїй пронятїй сумомъ,
А скоро нôчъ темна на степъ лягla,
Напала ихъ дика враговъ орда.
Ой, страшна була тамъ и лютая борьба, —
И падали трупы, въ покосъ мовъ трава,
И кровца лилась рѣкою - рѣкою. —
Заледво де сотый уйшовъ съ того бою.

Ой рано кроваво сонце сходило,
И Руси великое горе звѣстило,
Ось войска останки кровавай йдутъ,
И трупъ безголовый князя несутъ...

А ханъ Печенѣговъ въ степу пирувавъ,
На пиръ старшину всю свою зазвавъ:
Онъ празникъ побѣды своей обходивъ.
На пирѣ изъ чары онъ срѣбнои пивъ, —
Се чашка у срѣбло оправна була —
У чащѣ ся пѣнятъ заморскїй вина. —
Ой грозна колись була чашка отся,

Ой чашка бо то Святослава князя;
На чащѣ той напись, ажъ въ очи бѣ:
„Чужого забагнешь, а стратиши свое!“

Р у с а л к а.
(изъ Пушкина.)

Надъ озеромъ, въ глушѣ дубровы
Спасався десь - колись монахъ
Все въ працы, тихій и суровый,
Въ задумѣ, постъ и мольбахъ.
Вже, смерти ждучи леда хвилѣ
Старикъ собѣ могилку рывъ, —
И, щобъ го зъ жизни слобонили,
Святыхъ угодниковъ моливъ.

Разъ въ лѣтню пору край порога
Своей хатиночки старый
Анахоретъ моливсь до Бога.
Змеркалось. Пѣнивсь чорторый
На озерѣ и дыхавъ мглою.
Чорнѣла пуша. Въ небесахъ
Плытъ мѣсяцъ смугловъ рожевою.
Вдивився въ филѣ нашъ монахъ.

Глядитъ и страхъ ёго проймає,
И самъ не знає, що му е...
И видитъ: филя прыще, грає, —
И тиха, гладка зновъ стає...
И вразъ.. Легенъка, мовъ тѣнь ночи
Бѣленъка, мовъ маёвый снѣгъ

Зъ филь дѣва выплыла, — плюскочесь
И мовчки сѣла на морѣгъ.

На монаха глядить тужливо
И пышній косы йме чесать...
Съ страхомъ глядить старый на диво,
На ту пречудну дѣвы стать.
Она го дѣлъ звѣ рукою,
То быстро кивне голововъ,
И вразъ падучою звѣздою
Въ глубь сонныхъ филь метне собовъ!

Всю нѣчь неспавъ старецъ понурый,
И не молився цѣлый день.
Въ гадокъ зворушеныхъ онъ бури
Чудную дѣву зрѣвъ лишенъ.
Зновь мгла по пущи ляговится,
Крѣзъ хмары мѣсяцъ прогляда'
И зновь на березѣ дѣвица
Сидитъ, чаровна и блѣда.

Глядитъ, манитъ го дѣлъ зѣ даля,
Цѣлюе, мовьбы зѣ нѣхотя,
Играє, плюскасся въ фаляхъ,
Регочесь, плаче, мовь дитя,
Звѣ монаха и мовь вздыхае....
„Сюда! Сюда!“ И звукъ бренитъ....
Вразъ дѣва въ филяхъ пронирає
Середъ глубокой тишины.

На третій день пустынникъ сивый
Надъ озера водовъ чудновъ
Сидѣвъ и ждавъ хорошой дѣвы....
Вже пуша въ мраку крыласъ зновъ....

Розвѣявъ ранокъ тьму нѣчную
По монасѣ пропавъ и духъ
Лиши бороду єго сѣдую
Въ водѣ десь заздрѣвъ разъ пастухъ.

Месть за убитого.

арабска дума.

I.

На стежцѣ пôдъ скаловъ убитый онъ лежитъ,
А кровъ єго плыне, камѣные червонитъ.
Вмираючи, менъ тягаръ онъ наложивъ,
И врагъ не дôжде, ѩобъ присягу я зломивъ!...
„Ты дѣльне и грôзнѣ дитя моей сестры,
„Я зрадовъ гину ту, — ты смерть мою помсти!
„Най єдью зміновъ твой лютый бухне взоръ,
„Най смерть вѣстить врагамъ развитый твой прапоръ!“
И впали въ серце мнѣ слова тѣ, мовъ скала,
И мовъ пôдъ тягаромъ душа ся подала.
Охъ, бо порадника забрала ми судьба,
Бо въ вѣкъ лишила мя найщиршая душа!
Въ холодный день онъ бувъ, мовъ сонца теплота,
А въ спецѣ, наче тѣнь, а въ спраздѣ, мовъ вода.
Мовъ олѣнь быстрый бувъ, веселый, мовъ дѣвча,
Героя смѣлость въ нѣмъ, а въ тѣлѣ сила льва.
До цѣли просту путь умѣвъ онъ все найти,
А зрады онъ не знавъ, нї подступнои мести.
Мовъ дожджъ зъ небесъ, такъ онъ лявъ щедро дары намъ,
Мовъ громъ зъ небесъ, такъ онъ погибѣль нѣсь врагамъ.
А чорный волосъ му на плечѣ ажъ спадавъ,
А перскій плащъ пышный до стопъ єму спливавъ.
Но скоро въ полю знакъ до бою загремѣвъ,
Мовъ вовкъ голодный, онъ на добычу такъ летѣвъ.

Онъ ъздинъ самъ, — лишь мечъ ёго сопутникъ бувъ,
Мечъ въ єменъ кованый, — неразъ го врагъ почувъ!
Той плащъ, той мечъ ёго неразъ прознать могла
Вся Гудзейлѣцкая*) розбойницка орда.
На плащъ той шайка ихъ, и на той мечъ стальныи
Засѣла, — и мой другъ погибъ одъ рукъ тыхъ змій!
Смотрѣть, яку му ту врагъ постѣль зготувавъ!...
Верблюдъ бы въ скалахъ тыхъ самъ ноги поломавъ!
Сходяче сонѣчко само ся ажъ зляклѣ,
Узрѣвши въ крови ту обдертого ёго.
Не радуйсь предъ часомъ, погане племя зле,
Бо въ твой крови бôль душъ моей втоне!...

II.

Полудне жаркое. Нашъ оддѣль хоробрыи ся збивъ
У купу тѣсную. Рушаемъ.
И генъ за пѣски вже богъ сонца ся на нôчь склонивъ, —
Мы тягнемъ мовь хмары надъ гаємъ.

А каждого духъ, наче мечъ. А мечъ вѣрный въ по-
хвахъ, —
Ось ту мы при боцѣ го чуемъ...
А каждого конъ, наче тигръ. На далекихъ степахъ
Лишь шакаль походъ нашъ вартуе.

Ой, ворогъ сонъ-эѣлья*) немало у вечъръ хлиставъ,
И спитъ непробудно въ таборѣ, — —
Гей, ту го оддѣль нашъ у самую пору напавъ!
Не зрести му раннои зорѣ!

*) Гудзейлиты, арабске кочовниче племя.

*) Сонъ-зѣлье, опіумъ, котре восточнї народы заживають
для спровадженъя приятныхъ снѣвъ.

„Зачинътежь кровавое дѣло!... Смерть трупы валить,
Два племена впали въ могилы,
Колькохъ лишь утѣкло. Весь степъ ихъ посоковъ за-
литъ, —
А видъ той убитому милый.

Ихъ кровью вгасили мы спрагу тяжку нашихъ спасть,
Горячій пѣсокъ напоили.
Зъ борьбы тои каждый зъ нась мечъ лишь кровавый
унѣсь,
А ранъ мы на тѣлѣ ѹ не зрели.

Теперь мнѣ сорбетѣвъ-вина подавай! Я не знаю,
Що заказъ, Корана законъ!
По трудѣ — заплата! По битвѣ пекельной най раю
Скоштуемъ. Ту втѣха, не стонъ!

Най мечъ м旤й булатный, най кѣнь м旤й вороны — усѣ
Днесъ знаютъ, що розкощь, выгода!
Якъ пуша у крови враговъ, — най купаесь въ винѣ
Побѣда днесъ мого народа!

Подай менѣ чару тяжку, золотую, подай,
Гей, Саваръ Бенъ-Амре, м旤й друже!
Хоть радъ я зъ побѣды, — та всежъ ми убитого жаль,
И сердце болитъ мене дуже.

Зъ сталевои чары мы смерти напої ворогамъ
Дали, Гудзейлѣтамъ, ту нынѣ!
И гляньте, якъ твердо поснули! Не грозить вже намъ
Ихъ шайка посередъ пустынѣ.

А чуєте онъ, — якъ вся пуша уже гомонитъ?
Гіенъ прошибающимъ зыкомъ?

Онъ стадо вовкôвъ блыскоокихъ идъ трупамъ летить,
И шакаль ихъ шарпас съ крикомъ.

Глядѣтъ, — onde кречеты зъ синёго неба падутъ
И гордо по трупахъ ступаютъ!
Отъ тутъ имъ пожива! Отъ тутъ-то они ся нажрутъ,
Що злетѣти вже не здужаютъ!...

Хрестъ Чигиринскій.

Гей, въ мѣстѣ въ Чигирии є церковь, Спасъ святый:
Въ той церкви хоронится козацкій хрестъ старый.
На томъ хрестѣ до нынѣ ще давна напись есть:
Миръ мирнымъ! На враждущихъ самъ Богъ и ёго хрестъ!
У прѣтворѣ до нынѣ той грозный хрестъ стоитъ,
Мовь великанъ минувшихъ, померклыхъ, страшныхъ
лѣтъ, —
И лишь слѣпцѣ старіи исъ пѣснями въ устахъ
Сидятъ, мовь сумъ могильный, у стопъ того хреста.
И не одну говорятъ о нѣмъ старую вѣсть
Про наше горе, лихо, про вражу ляцку злость.
И серце ся стискає на вѣсти съ тыхъ часобъ,
И бѣдреватись тяжко бѣ старцѣвъ сумныхъ слобъ.

* * *

Весна настала красна, разставъ зимы килимъ, —
Немовь козакъ гулящій прибрався Чигирии.
Мовь дѣвчина въ недѣлю, — природа стройна вся,
И наче щастье въ серци, — така еи краса.

Болоня кругъ Чигрина не мраки залягли;
То войска два ворожий до бою надтягли:
Два братья, вражовь штуковъ розъеднаній съ собовъ
Прийшли, щобы пролити рѣками братню кровь.

И стали противъ себе: ту Ляхъ а тамъ Козакъ,
Ту гордый панъ, тамъ низкій, погорженый бѣдакъ,
Ту певнѣсть, тамъ розпука; ту жадоба, тамъ жаль....
Ирзаютъ быстрый конъ, блыщить до сонца сталь.

Гей гордо панъ Жолкевскій на конику жене!
Гей гордо ляцке войско стойть рядомъ страшне!
А сугорбы понуро, мовь поле сивѣй мглы,
Розгульній козацкій громады облягли.

— „Заждѣтъ! кричитъ Жолкевскій, — рабы, навчу я васъ
„Не прииде вамъ охота до бунту другій разъ!“
Три шибеницѣ ставить на горбъ, щобъ каждый зреѣвъ
И напись по надъ ними: „Се жде бунтѣвникѣвъ!“

„Гетьмане Наливайку!“ озвався Лобода
„Се що тамъ видно въ дали? Се що тамъ за бѣда?
„Ци се прaporъ, що шляхту провадитъ до борьбы?
„Менѣ здаєсь, що бачу онъ — шибеницѣ три!“

А Наливайко каже: „Щасть Боже имъ и съ тымъ!
„Но мы подемъ до бою подъ знаменемъ святымъ.
„Гей, братья, хрестъ поставте на горбъ, на нѣмъ письмо:
„Миръ мирнымъ, — на враждущихъ самъ Богъ и
хрестъ єго!“

Зновь день наставъ, — и страшна зачалася борьба,
Немовь огонь эъ водою, — такъ перлись войска два.
Чимъ высше свѣтле сонце по небѣ йшло въ гору,
Тымъ бôльше братнёй крови плавомъ плыло въ рѣку.

И стала послабати козацка сила вже.....
Лютуе панъ Жолкевскій и въ пень козацтво тне.
„Ось вамъ наука, хамы, — такъ грозно онъ кричитъ,
„Якъ рѣзать нашу шляхту, и села намъ палить!“

И всѣ козацкі очи звернулися наразъ
До чудного на горбъ хреста въ той страшный часъ.
И смотрятъ: ци се привидъ, ци истина?.... Зъ землѣ
Вагомъ-поволи хрестъ той здвигается дъ горѣ.

И мовьбы невидимѣ несди го руки, йде
Ажъ тамъ, де панъ Жолкевскій у пень козацтво тне.
И середъ боєвища той хрестъ чудесный ставъ,
Мовь раменами крѣпко козацтво заслонявъ.

Всѣ бачили то диво, — всѣ стали, мовь мертвѣ....
Не гrimаютъ мушкеты, — не бlyскаютъ шаблѣ....
Въ тревозѣ панъ Жолкевскій зъ рукъ шаблю упустивъ
Дививсь — а мовь не видѣвъ, стоявъ — а мовь не живъ...

А Наливайко крикнувъ: „Такъ, братъя, такъ и есть:
„Миръ мирнымъ! На враждущихъ самъ Богъ и ёго хрестъ!
„За мною! Най познаютъ враги, що зъ нами Божъ!
„Що противъ Бога змогся, хто противъ насъ ся змогъ!“

На западъ вже клонилось святое сонце внизъ,
Кончився при Чигринѣ бренъкъ стали, ломотъ спісь.
Кругъ шибеницъ все войско шляхетске полягло, —
Рѣкою труповъ много и крови поплыло.

Одинъ лишенъ Жолкевскій одѣ гибели уйшовъ:
За нимъ козацтво довго ще гналося стрѣловъ.
„Зажди,“ кричить козацтво, „Жолкевскій, гей зажди!
„А для когожъ лишивъ ты ту шибеницъ три?“

* * *

Боєвище кроваве травою поросло, —
Могилы вкрыли труповъ, — мовь буря все пройшло.

Козацкій ляцкій силы розвѣялись, мовъ прахъ, —
Не згибла лишь незгода, — въ враждѣ все Русь и Ляхъ...

И ци коли настане якій щаслившій часъ,
Ци появится единость и згода й миръ у насть, —
Богъ знає! Но мы смѣло въ гору взнесемъ чоло!
Миръ мирнымъ! На враждущихъ самъ Богъ и хрестъ ёго!

К о л я д а

(рускимъ господарямъ).

І.

Якъ ся дѣяло изъ первовѣку. Гей дай Боже!
Въ Господа Бога дѣточокъ много,
А межи ними не двѣ збрницѣ,
Не двѣ збрницѣ, а двѣ сестрицѣ.
Зазвавъ ихъ Господь та передъ себе:
— „Часъ вамъ, дѣточкы, въ свѣтъ розойтися!
Ось ту даю вамъ хату й палату,
Ось ту даю вамъ плугъ и шабельку,
Всё то даю вамъ та до выбору!“
Сестра молодша, бачь, цѣкавѣйша:
Скорше звивалась, палату взяла,
Старшой сестрици хата осталася.
Сестра молодша, бачь, цѣкавѣйша:
Скорше звивалась, шабельку взяла,
Старшой сестрици плугъ полишала.
И розойтилисѧ въ свѣтъ двѣ сестрицѣ,
И стали жити близко при собѣ,
Близко при собѣ, напротивъ себе.
Старша сестрица въ бѣднѣй хатинѣ,
Молодша въ пышнѣй, яснѣй палатѣ.
Старша сестрица землицю оре

И засъвае яре жито, —
Си ланы ся золотомъ крыютъ.
Молодша ходитъ, шаблевъ воює
Золото - срѣбло въ палату зноситъ.

Довго жили такъ обѣ сестрицѣ,
Довго жили такъ, не сварилися.
Сестра молодша, хоть много мала,
Стала украдкомъ завидувати
Ярого жита, золотой пшеницѣ
Що росли буйно въ старшой сестрицѣ.

II.

Якъ ся дѣяло изъ первовѣку. Гей дай Боже!
Якъ Жиды Христа на муки брали,
На муки брали, на хрестъ розпяли,
Пречиста Дѣва весь свѣтъ сходила,
Весь свѣтъ сходила, Сына глядѣла.
Слёзы гôркіи все проливала,
Бѣліи ручки зъ жалю ломала.
А де упаде си слёzonька,
Тамъ тобѣ стане зимна керница,
Тамъ тобѣ срѣбна рѣчка польеся.
Де бѣліи ручки зъ жалю заломитъ,
Тамъ - тобѣ стане шумна дуброва,
Шумна дуброва зъ вѣтромъ играє.
А де изъ жалю взыхне до Бога,
Тамъ тобѣ роёмъ ярѣ пчёлоньки,
Ярѣ пчёлоньки медокъ збираютъ.
Пречиста Дѣва весь свѣтъ перешла,
Весь свѣтъ перешла, Сына не нашла.
Весь свѣтъ за нею зазеленѣвся,
Весь свѣтъ за нею розвеселився.
Ой сидить панѣ въ пышнѣй палатѣ,
Шабельку остритъ, думку думає, —

Думку думає, слугівъ пытає:
„Що тамъ за дѣва иде полями,
Иде полями, тяженко плаче,
Рученьки ломить, Господа молить?
За нею поле зеленѣєся,
За нею рѣчки розливаються,
За невъ дубровы розвиваються.
Бѣжѣть до неи — напротивъ неи,
Нехай не ходить по моїмъ полю!
Быстри рѣчки водами грають,
Въ походѣ войско мое спиняютъ.
Шумній дубровы густо ся стелять
И мое войско въ походѣ спинять!“

Старша сестриця по полю ходить,
По полю ходить, копы рахує,
Рахує-числить, — счислiti годѣ!
Старша сестриця задумалася:
„Що то за дѣва, полемъ ступає,
Полемъ ступає, тяженко плаче,
Рученьки ломить, Господа молить?
За нею поле зеленѣєся,
За нею рѣчки розливаються,
За невъ дубровы розвиваються.“

Старша состриця пôшла до неи,
Пôшла до неи, напротивъ неи, —
За ручку бере, словомъ втѣшає,
Словомъ втѣшає, такъ повѣдає:

Ой, не ходи ты, красная дѣво,
Ой не ходи ты свѣтомъ блукати, —
Ходи ты жити до моей хаты!
Я ти що рано ноги умью,
Ноги умью, слёзы обсушу,
Зъ твого серденька тугу прожену.

Я ти що днины свѣтлоньку вбера,
Свѣтлоньку вбера, ъсти злагоджу.
Я ти що вечѣръ ложенько встелю,
Любу пѣсеньку тай заспѣваю.“

III.

Въ старшой сестрицѣ, якъ бѣръ пшениця, Гей дай Боже !
Въ старшой сестрицѣ яroe жито
Колосомъ клонитъ, пѣсеньку звонитъ :
„Насъ Божа Мати благословила
Намъ Божа Мати зрасть подарила,
Бо Божа Мати у нашої хатѣ !“

Въ ясной панѣ пышнѣ палаты,
Пышнѣ палаты зъ вѣтромъ валятся.
Въ ясной панѣ остра шабелька,
Остра шабелька въ бою щербится.
Пѣвъ еи краю, то гай въ розмаю,
Пѣвъ еи краю багна вкываютъ,
Багна вкываютъ, пѣски ссыпаютъ.
Ясная панѣ, хоть много мала,
Позавидѣла старшой сестрици.
Шабельку острить, думку думає,
И до слугъ своихъ такъ повѣдає :

„Спѣшѣть ми скоро, вѣрніи слуги,
Звяжѣте въ пута мою сестрицу,
Звяжѣте въ пута, приведѣть тута !
Най одбера ѿй totу пшеницю,
Най одбера ѿй яroe жито !“

Побѣгли слуги — швидко вернули,
До ясной панѣ слово говорятъ :
„Въ твоїй сестрицѣ въ тѣсної хатинѣ
Яснѣсть велика, радостъ велика !
За столомъ сидить Пречиста Дѣва,
За столомъ сидить, за вечерою.

Твоя сестрица хлѣбы ломає,
Хлѣбы ломає, пѣсню спѣвае.“

Ясная панѣ думку думає,
Думку думає, слугъ посылає:
„Вы ничь на тое не уважайте,
Мою сестрицу припроводжайте!
Побѣгли слуги, швидко вернули,
До ясной панѣ слово говорятъ:
„Твоей сестрицѣ бѣднѣй хатинѣ
Ангелъ сторожитъ, — зблизитись годъ!“

Ясная панѣ въ гнѣвѣ попадає,
Въ гнѣвѣ попадає, сама збираєсь.
Велитъ сестрицю въ пута кувати,
Велитъ єй власне поле орати,
Власное поле — та не для себе!

Ой сумно сонце въ осени съяє!
Ой сумно лѣтомъ шумить дуброва!
Старша сестрица грѣнько плаче,
Грѣнько плаче, по полю ходитъ.

„Рости, рости ты, яроє жито!
Роди, роди ты золота пшеничко!
Я тебе орю, чорноє поле,
Я тебе орю, та не для себе!
Ясная панѣ хлѣбъ забирає, —
Мои дѣтоньки зъ голоду плачутъ,
Зъ голоду плачутъ, хлѣбця не бачутъ!“

На чистомъ поли, якъ боръ пшениця,
На чистомъ поли яроє жито
Колосомъ клонить, пѣсеньку звонить:
„Насъ Божа Мати благословила,
Намъ Божа Мати зрасть подарила,
Бо Божа Мати у нашої хатѣ!“

IV.

А радъ ты знати, чесный господарю, Гей дай Боже!
 Хто тѣ збрницѣ — рѣднїй сестрицѣ?
 Старша сестрица — Руска землиця, —
 Менша сестрица — Ляцка землиця!

А радъ ты знати, чесный господарю,
 Коли скончится плачъ старшой сестрицѣ?
 Пречиста Дѣва съ Сыномъ царствує,
 Пречиста Дѣва плачъ сестры чує!

А за тымъ словомъ бувай ми здоровъ!
 Дай тобѣ Боже въ горю потѣху,
 Дай тобѣ Боже въ нуждѣ надѣю,
 Дай тобѣ Боже сильную волю!
 Збавь тебе Боже одѣ злыхъ сусѣдовъ,
 Знавь тебе Боже отъ сыновъ выродныхъ,
 Збавь тебе Боже отъ тьмы неволѣ!

Весна настане, — сѣй жито яре,
 Сѣй жито яре, золоту пшеницио!
 Осень настане, збирай щасливо!
 Зима настане — пѣсни приносить.
 Лѣто настане, — не засумуйся,
 Выйди на поле, поведи окомъ!
 На чистомъ поли, якъ боръ пшеница,
 На чистомъ поли яроѣ жито
 Колосомъ клонить, пѣсеньку звонить:
 „Насъ Божа Мати благословила,
 Намъ Божа Мати зрасть подарила!“
 Бо Божа Мати и въ твой хатѣ!

